

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(470)''18/19''_(093.3)+37.014.521:271.2

МЕМУАРЫ СЕМИНАРИСТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИСКУССИЙ О ПРОБЛЕМАХ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.¹

О. Д. Попова

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, кафедра социологии, г. Рязань, Россия

Анализируются мемуары воспитанников духовной школы как исторический источник. Показано, что мемуары семинаристов разнообразны по своей структуре, месту публикации, они отражают особенности повседневной жизни, учебного процесса. Обосновывается мысль, что воспоминания писались под влиянием дискуссий о развитии духовного образования. Демонстрируется связь общественных движений начала XX в. и обсуждение проблем духовных семинарий. Мемуары показывают отношение общества к духовной школе и к реформе Русской православной церкви. Анализ показал, что многие авторы мемуаров критиковали существующие порядки в духовных семинариях. Недовольство своей жизнью обусловило отрицательное отношение авторов к семинарскому образованию. В мемуарах обсуждалась проблема специального образования для детей духовенства и возможность получения светского образования.

Ключевые слова: духовные семинарии, мемуары, сословия, повседневность, дискуссии о развитии духовного образования, реформа образования.

Интерес к истории повседневности и ментальности различных социальных слоев стимулировал процесс изучения документов личного происхождения. Мемуары семинаристов постепенно изучаются² и используются при анализе повседневной жизни духовных семинарий³. Однако представляется, что при изучении источников личного происхождения

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ 16-01-00468/16.

² Корнилова И. В. Воспоминания учащихся духовных учебных заведений как исторический источник // Успехи современного естествознания. 2012. № 11. С. 67–69.

Kornilova I. V., *Vospominaniya uchashchikhsya dukhovnykh uchebnykh zavedenii kak istoricheskii istochnik*, Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya, 2012, № 11, S. 67–69.

³ Леонтьева Т. Г. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX в. // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль / отв. ред. П. В. Волобуев. М., 1997. С. 20–38.

Leontyeva T. G., *Byt, nrawy i povedenie seminaristov v nacale XX v.*, Revoljucija i chelovek. Byt, nrawy, povedenie, moral, отв. red. P. V. Volobuev, M., 1997, S. 20–38.

важно не только обращаться к фактическому материалу, который содержится в документах, но и проследить и понять, почему и как возникли те или иные воспоминания. Важно понять, почему и с какой целью они писались, что хотели сказать авторы. В этом плане воспоминания учащихся духовно-учебных заведений очень показательны. На рубеже веков за перо активно брались как представители мужской духовной школы – учащиеся духовных училищ и семинарий, так и женской – епархиальных училищ. Рубеж XIX–XX вв. был периодом переосмысления судьбы духовенства, роли Русской православной церкви в жизни общества, будущего духовного сословия. Поэтому выпускники духовной школы брались за перо не просто так, они хотели что-то сказать обществу, что-то переосмыслить сами.

С. П. Бычков, отмечая специфику мемуаров семинаристов начала XIX в., писал, что их воспоминания (особенно в первой половине XIX в.) практически однотипны «с небольшими вариациями географического или личностного свойства»⁴. Возможно, такое утверждение верно для мемуаров, отражающих жизнь учебных заведений первой половины XIX в., но для рубежа XIX–XX вв. характерно разнообразие мнений авторов и оценок своего бурсацкого детства.

На рубеже XIX–XX вв. мемуары семинаристов публиковались как отдельными брошюрками, так и на страницах, как официальных изданий, так и оппозиционных. К изданию писательского творчества бывших семинаристов подключились даже «Епархиальные ведомости», которые были официальным органом печати епархий, и, следовательно, в большей степени были лояльны к власти. Комплекс воспоминаний воспитанниц женских учебных заведений по объему значительно меньше, и они в большей степени носят официальный характер, т. е. писались по случаю юбилея или на страницах официальных изданий. Из всех введенных в исторический оборот мемуаров «епархиалок» воспоминания воспитанниц Рязанского и Калужского епархиальных училищ носят ярко выраженный неофициальный характер, т. е. их авторы писали свое творчество не для официальной публикации⁵.

Если анализировать мемуары семинаристов с хронологической позиции, то картина получается более пёстрой, чем воспоминания о женском духовном образовании. Воспоминания «епархиалок» в большей степени воспроизводят жизнь женских епархиальных училищ в их классическом виде на рубеже веков. В мемуарах семинаристов наиболее ярко получили отражение три этапа истории семинарского образования. Первый период – 30-50 годы XIX в., обусловленные реформами П.Д. Киселева, министра го-

⁴ Бычков С. П. Образы науки в бурсацких воспоминаниях и повестях второй половины XIX века // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 142.

Bychkov S.P., *Obrazy nauki v bursatskikh vospominaniyakh i povestiyakh vtoroi poloviny XIX veka*, Vestnik Omskogo universiteta, 2014, № 4 (74), S. 142.

⁵ См.: Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ / Сост., предисл., подгот. текста и коммент. О. Д. Поповой. М., 2011.

Eparkhialki: vospominaniya vospitannits zhenskikh eparkhial'nykh uchilishch, Sost., predisl., podgot. teksta i komment. O. D. Popovoi, M., 2011.

сударственных имуществ. Он, заботясь о развитии государственной деревни, стремился улучшить быт государственных крестьян: открывал школы, больницы в своём ведомстве. Ему и принадлежала мысль о том, что священник на селе будет выполнять не только свою основную функцию, но и как самый грамотный человек на селе оказывать первую медицинскую помощь и давать крестьянам советы по ведению сельского хозяйства. Под влиянием его идей обер-прокурору Св. Синода пришлось ввести в духовных семинариях основы медицины и основы сельского хозяйства. Введение данных новшеств в учебных заведениях было затруднено, поскольку часов на их изучение выделялось мало, соответствующих учебных пособий не было, как и преподавателей, и поэтому специалисты получались плохие.

Второй период – 1867–1884 гг. – сформировался под влиянием «Великих реформ» Александра II. В соответствии с новыми уставами, воспитанники получили возможность покидать семинарию после 4-го курса и поступать в университеты. В учебные планы были внесены изменения: общеобразовательные предметы были сосредоточены в первых четырёх классах, а те, кто решил посвятить себя священнической практике, изучали соответствующие дисциплины в двух старших классах.

Третий период отражает действие нового устава 1884 г., отразившего идеи контрреформ Александра III. Произошло возвращение к сословности, возможности покидать семинарию и поступать в университеты у её учеников уже не было. Вот эти все процессы нашли осмысление в мемуарах семинаристов. Третий период фактически стал кризисом системы духовно-учебных заведений.

Если продолжать классификацию, то можно выделить анонимные воспоминания, в которых не раскрывается ни автор, ни место действия. Иногда автор подписываясь скрывает место действия. Часть воспоминаний чётко указывают на время и место действия. Ещё одним классифицирующим признаком может быть позиция автора по отношению к своему образованию: позитивное или негативное. Оценка деятельности системы духовного образования в мемуарах мозаична, каждый описывает полученное образование через призму собственного опыта. Это очень важный момент в оценке мемуаров и самой духовной школы.

Довольно часто формальным поводом для воспоминаний становились юбилейные даты духовно-учебных заведений. В конце XVIII в. было открыто большинство духовных семинарий, которые действовали весь XIX в. В 1808 г. была проведена реформа духовно-учебных заведений, в результате которой сложилась классическая система, состоявшая из духовного училища, духовной семинарии и духовной академии⁶. Поэтому рубеж XIX–XX в. был юбилейным для многих духовно-учебных заведений. Женские училища духовного ведомства и женские епархиальные училища от-

⁶ Федоров В. А. Духовная православная школа // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. С. 365, 369.

Fedorov V. A., *Dukhovnaya pravoslavnaya shkola*, Ocherki russkoi kul'tury XIX veka, M., 2001, T. 3, S. 365, 369.

мечали 50–70-летние юбилеи, а некоторые духовные семинарии готовились отмечать своё столетие. Однако женские воспоминания, написанные к юбилейным датам, носили более официальный стиль. Юбилейные воспоминания семинаристов – это всегда повод одновременно задуматься о проблемах того образования, которое получали дети духовенства. Такими, например, были воспоминания священника Н. Стройкова, посвящённые 100-летию Кишиневской духовной семинарии⁷. Однако одновременно автор ставил задачу выявить недостатки семинарского образования и разобраться в недочётах духовной школы, которые «гонят её питомцев в светские учебные заведения»⁸. К юбилею Волынской духовной семинарии воспоминания Константина Храневича⁹.

Импульсом для обсуждения и воспоминаний стали «Очерки бурсы» Помяловского, где повседневный быт семинаристов был показан в самых печальных тонах. В момент выхода, эти воспоминания буквально взорвали общественность. Как отмечал С. П. Бычков они послужили своего рода шаблоном для всех последующих воспоминаний¹⁰. Во многих мемуарах семинаристов присутствует поиск ответа на вопрос: соответствуют ли «Очерки бурсы» реальности или нет? Каждый освещал проблему в силу своего жизненного опыта. Поэтому комплекс воспоминаний семинаристов рисует довольно мозаичную картину повседневной жизни семинаристов и воспитанников духовных училищ. Однако в большинстве случаев, особенно в воспоминаниях, относящихся к 1830–1850 гг., рисуется очень печальная картина. Многие авторы приводят такие факты, которые свидетельствуют, что для руководства епархии устройство быта не было предметом особой заботы. Например, в воспоминаниях выпускника волынской духовной семинарии одним из ярких моментов были куски угля, которые постоянно попадались в каше. Как выяснилось позднее, кашевар одним и тем же «ожугом» (длинным шестом. – О. П.) мешал и кашу в котелке и огонь в печке¹¹. Он же упоминает и такую необычную деталь: с воспитанников в середине XIX в. собирали деньги на розги¹².

⁷ Стройков Н., свящ. Кишиневская духовная семинария в воспоминаниях ее питомцев // Кишиневские епархиальные ведомости. 1915 № 34/35. Отд. неофиц. С. 823–907.

Svyashchennik Stroikov N., *Kishinevskaya dukhovnaya seminariya v vospominaniyakh ee pitomtsev*, Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti, 1915, № 34/35, Otd. Neofits, S. 823–907.

⁸ Там же. С. 825.

Ibid, S. 825.

⁹ Храневич Константин При старых порядках (из недавнего прошлого волынской духовной семинарии). Киев, 1896.

Khranovich Konstantin, *Pri starykh poryadkakh (iz nedavnego proshlogo volynskoi dukhovnoi seminarii)*, Kiev, 1896.

¹⁰ Бычков С. П. Указ. соч. С. 143.

Bychkov S. P., *Op. cit*, S. 142.

¹¹ Храневич Константин Указ. соч. С. 9.

Khranovich Konstantin, *Op. cit*, S. 9.

¹² Там же. С. 26.

Ibid, S. 26.

Во многих других воспоминаниях констатировалось, что постоянными спутниками учащихся были вши, чесотка. Ю. А. Галабутский о своей учёбе в Одесском духовном училище писал: «Особенно было много вшей, которые свободно разгуливали и по головам, и платью учеников. Бурсаки претерпевались к насекомым, как неизбежным спутникам своим, и не обращали на них никакого внимания»¹³. Следует отметить, что в более поздних мужских воспоминаниях сюжеты о санитарном состоянии бурсы и общежитий практически исчезают. В ряде воспоминаний епархиалок этой теме уделено достаточно много внимания. В частности, автор мемуаров о Калужском епархиальном училище Мария Преображенская отмечала, что девочек регулярно осматривал врач, для профилактики педикулёза маленьких коротко стригли, регулярно была баня. Представляется, что исчезновение сюжетов, связанных с телесностью в мужских воспоминаниях, связано с тем, что частично данные проблемы были решены с появлением общежитий, развитием санитарно-гигиенических норм, а также с тем, что проблемы реформирования духовной школы выходят на первый план¹⁴. Воспоминания девушек были больше обращены к осмыслению своего собственного сознания, места в жизни и проблемы телесного здесь занимали немалую роль, поскольку выпадали на период полового созревания.

Однако львиную часть мемуаров занимает процесс осмысления необходимости особого сословного образования для детей духовенства. Вторая половина XIX в. была ознаменована двумя противоположными реформами. Устав 1867 г. делал упор на всесословность, разрешал семинаристам покидать духовные семинарии после четвертого курса и поступать в университеты. Начался массовый переход детей духовенства в другие сферы деятельности. Отношение к этому факту в среде самого сословия и в общественной мысли было различным. Л. Манчестер, исследуя проблему мотивации выхода детей духовенства из духовного сословия, отмечает, что для многих таким мотивом стала жажда получения знаний и стремление учиться в университете. При этом исследовательница отмечает, что некоторые из них так и не получили благословения родителей на такой шаг, а некоторые наоборот были благословлены отцами, поскольку отцы желали своим детям лучшей доли, чем своей¹⁵. Процессы формирования экономической и интеллектуальной элиты в стране открывали весьма заманчивые перспективы для детей духовенства, более привлекательные, чем духовная служба. Манчестер отмечает, что выходцы из духовного сословия внесли свои особые черты, которые были характерны для некоторых представителей русской интеллигенции: ориентацию на христианские ценности, особый спе-

¹³ Галабутский Ю. А. Указ. соч. С. 2

Galabutskii Yu. A., *Op. cit.*, S. 2

¹⁴ Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ. С. 151.

Eparkhialki: vospominaniya vospitannits zhenskikh eparkhial'nykh uchilishch, S. 151.

¹⁵ Manchester Laurie. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Northern Illinois University Press. 2008. P. 165–171.

цифический стиль жизни¹⁶. В то же время официальная система духовно-учебных заведений по-прежнему продолжала ориентироваться на старые сословные принципы. Устав 1884 г. вернул позиции особого сословного образования, усилил надзор за семинаристами. Св. Синод пытался усилить христианскую нравственность путём усиления монастырских порядков, назначением на руководящие должности монашествующих лиц. Как отметил один современник на страницах прессы: «Учреждения, назначенные готовить пастырей, насильственно пополняются детьми духовного сословия на основании нелепого предположения, что сын священника является естественным священником, как дочь его “матушкой”»¹⁷. Поэтому практически все эпизоды мемуаров, так или иначе, переходят через призму осмысления необходимых реформ духовно-учебных заведений.

В большинстве мемуаров либо очень кратко, либо более подробно, обсуждается новый Устав 1884 г., а вернее та часть, которая запрещала семинаристам уходить в университеты. Так, например, протоирей Руткевич констатирует, что «наси́льно мил не будешь». Н. Смирнов, который собрал воспоминания о Кишиневской семинарии, одновременно рассуждает на эту тему более подробно. Он приводит статистику, что на рубеже XIX–XX в. неуклонно растёт количество воспитанников, желающих покинуть духовное сословие и поступить в светские учебные заведения¹⁸.

Ю. А. Галабутский также констатировал, что после издания циркуляра, закрепостившего семинаристов, «богословские классы сразу наполнились и теми, кто мечтал об университете, и многим из вольнодумцев и отрицателей пришлось поневоле сделаться священниками»¹⁹. Он рассуждал, что тех, кто решился идти против такого запрета, ждала довольно печальная судьба. В качестве примера автор приводит печальную судьбу своего однокурсника, который попытался найти лучшей доли вне рамок духовной службы, однако, в конце концов, был вынужден принять рукоположение.

Одновременно с оценкой реформ практически все авторы воспоминаний старались осмыслить причину стремлений молодых людей духовного сословия в светские сферы. Большинство авторов видели причины именно во внутреннем строе духовных семинарий. Одним из аспектов переосмысления реформ духовно-учебных заведений – это содержание образования. Описание учебного процесса – обязательный сюжет всех мемуаров. В этом плане мемуары очень интересный источник, который передаёт подробности учебного процесса, а также демонстрирует процесс осмысле-

¹⁶ *Manchester Laurie*. Harbingers of Modernity, Bearers of Tradition: Popovichs as a Model Intelligentsia Self in Revolutionary Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Germany, 50 (2002). S. 322.

¹⁷ Религиозно-общественная хроника. Духовная школа // *Век*. 1908. № 19. С. 287. *Religiozno-obshchestvennaya khronika. Dukhovnaya shkola, Vek*, 1908, № 19, S. 287.

¹⁸ *Стройков Н., свящ.* Указ. соч. С. 881.

Stroikov N., svyash. Op. cit., S. 881.

¹⁹ *Галабутский Ю. А.* Указ. соч. С. 31.

Galabutskii Yu. A., Op. cit., S. 31.

ния вопроса: каким должно быть образование в духовных семинариях, какие предметы нужны воспитанникам, а какие нет. При этом даже в позитивных воспоминаниях содержится достаточно много критики. Очень показательны в этом плане воспоминания П. В. Цезаревского. С одной стороны, он очень хорошо пишет про своих учителей, с другой, – отмечает, что образование отличалось бессистемностью. Период его обучения в Воронежской духовной семинарии пришелся на середину XIX в., когда будущие священнослужители изучали основы сельского хозяйства и медицины. Как свидетельствуют воспоминания, преподавание этих предметов хоть и вносило оживление в учебный процесс, но воспитанники получали очень ограниченное число практических навыков как в сфере «поучения правилам “простейшего» лечения “простых” болезней у простолюдинов», так и в области агрономии²⁰.

Мемуары других семинаристов наполнены стенаниями о трудностях познания наук, особенно тяжело многим семинаристам давалась математика. Однако в центре осмысления даже не сами предметы, а именно методика преподавания. Наибольшему осуждению подвергалась зубрежка и формализм преподавания. Интересно, если исходить из мемуаров, то самый большой формализм, привязанность к учебнику и инструкциям, наблюдается в конце XIX в. Как отмечает другой анонимный автор: «Бывало, иной преподаватель водил карандашом по запискам, следя за ответом, и неукоснительно замечал каждую ошибку»²¹. Воспитанники Кишиневской семинарии также отмечали, что особый формализм преподавания был характерен для таких дисциплин как гражданская и церковная история и русская литература: «Русская художественная литература, исключительная литература по богатству в ней религиозно-философских и моральных идей, преподавалась так, что все лучшее в ней исчезало для нас. Такие науки как церковная и гражданская история сводились к изучению биографии и хронологии, широкого освещения исторических событий нам не давали. Хода истории мы не видели»²². Общий анализ всех воспоминаний свидетельствует о том, что у всех воспитанников наиболее позитивное воспоминание оставляли те учебные предметы и сам процесс учёбы, где находилось место творческой самореализации.

Ещё один бессменный эпизод во всех мемуарах – это руководящий состав духовных семинарий и его отношение к учащимся. Здесь мы получаем целый калейдоскоп лиц и образов, который проходит через призму

²⁰ Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии // Звонарь. 1906. № 1. апр. С. 273–276.

Tsezarevskii P. V., *Shestidesyatye gody v dukhovnoi seminarii, Zvonar'*, 1906, № 1, april', S. 273–276.

²¹ Из недалекого прошлого училища и семинарии // Новгородские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1902. № 22. С. 1309.

Iz nedalekogo proshlogo uchilishcha i seminarii, Novgorodskie eparkhial'nye vedomosti, Otdel neofits, 1902, № 22, S. 1309.

²² Стройков Н., *свящ.* Указ. соч. С. 860.

Stroikov N., *svyash., Op. cit.*, S. 860.

личного восприятия авторов мемуаров. На рубеже веков особой темой обсуждения были монашествующие лица в духовных семинариях. По мысли Св. Синода, именно монашествующие инспектора и ректора должны были подавать пример учащимся христианского благонравия. Однако, как свидетельствуют некоторые мемуары, именно поведение некоторых монахов было источником негативного восприятия всего, что было связано с богослужебной практикой и явилось источником отрицания своего будущего в качестве священнослужителя. Особенно ярко это было показано в воспоминаниях Николая Смоленского. Как он свидетельствует, именно поведение некоторых монахов вызвало у молодого человека чувства глубокой брезгливости и разочарования в искренности монашеского служения: «Через год нам назначили вместо инспектора из светских переведеённого откуда-то молодого монаха. Овдовевший дьякон, он только кончил академию и начинал карьеру. Оставшись один раз на масленицу в общежитии, я встретил его в коридоре, ведущему в нашу спальню и смежном с его квартирой, пьяного, без клобука, с растрёпанными волосами, обнимавшегося с женщиной»²³.

В этом калейдоскопе встречается ещё достаточно распространённый штрих – обман начальства не считался чем-то предосудительным. Так, например, автор полтавских воспоминаний описывает, как студенты семинарии выпрашивали у ректора деньги на материальную помощь под видом покупки одежды, а затем деньги благополучно пропивали в кабаке. При этом ректор семинарии совершенно не интересовался, как были истрачены истребованные у него деньги.

Конечно, встречаются в воспоминаниях положительные и уважительные портреты начальствующих лиц и преподавателей. Интересны критерии, которые формировали позитивный образ в лице семинаристов: умеренная строгость, снисходительность к шалостям, неформальный подход к преподаванию. Так, например, А. Тацитов в воспоминаниях о Выборской семинарии отмечал: «Преподаватель по гомилетики А. И-ч Р-ский был мастером своего дела. Особенно удачно им были поставлены классные экспромты по гомилетике. Мы массу прочитали, изучили и продумали проповеднических образов»²⁴. Ещё один критерий позитивного отношения воспитанников к наставникам – это отношение к семинарской реформе. Так, Цезаревский пишет обо всех преосвященных, которые стояли во главе Воронежской епархии. Особенно тепло он написал про преосвященного Иосифа, который отличался высокой религиозностью, высокими требованиями к себе и окружающим, однако в вопросах воспитания призывал воспитывать не строгостью, а личным примером. Когда в 1863 г. Учебный комитет Св. Синода запрашивал пожелания о необходимых реформах в сис-

²³ Смоленский Н. Очерки современной бурсы. Картины, типы и типики. М., 1906. С. 23. Smolenskii N., *Ocherki sovremennoi bursy. Kartiny, tipy i tipiki*, М., 1906, S. 23.

²⁴ Тацитов А. Из воспоминаний из прошлого // Известия по казанской епархии. 1905. № 6. Отд. неоф. С. 158.

Tatsitov A., *Iz vospominanii iz proshlogo, Izvestiya po kazanskoi eparkhii*, 1905, № 6, Otdel neofitsial'nyi, S. 158.

теме духовного образования, он высказался за общеобразовательный строй духовных семинарий, а также образование особого капитала для поддержки тех юношей, которые хотели бы получить светское образование.

Проблема воспитания в духовных семинариях, тема соотношения светского и христианского образа жизни, усиление монастырских порядков – всё это давало постоянный сюжет для осознания эффективности функционирования семинарского образования. Даже в воспоминаниях, в которых авторы писали о своих годах, проведённых в бурсе, весьма позитивно, одним из наиболее постоянных эпизодов является описание уклонения от посещений обязательных богослужений. Так, например, протоирей П. Руткевич, в целом довольно позитивно вспоминая о детстве, проведённом в Киевской духовной семинарии, описывая шалости семинаристов (или как он пишет: «наши проделки»), главное внимание сосредоточил именно на разных способах уклонения детей от службы. По словам автора, фактически это превращалось в игру в прятки с инспектором классов. Подростки укрывались в тёмных уголках семинарского здания, на заднем дворе, а один из мальчиков, убегая от педагога, спрятался в бочке с водой²⁵. Другой автор – Николай Смоленский, который пишет о семинарском образовании в негативном свете, соблюдению христианских обязанностей даёт более резкую оценку: «Кажется, не было более тяжёлой обязанности, как хождение в церковь. Точно церковь была не собранием верующих, а какой-то исправительный дом»²⁶. Кроме того, для многих семинаристов сама служба была формальным делом и многие во время богослужения искали пути разнообразить времяпрепровождение. Автор анонимных воспоминаний, опубликованных на страницах «Полтавских епархиальных ведомостей», отмечал, что семинаристы с особым удовольствием ждали, когда на службе в храме начнут петь ректор и духовник, которые совершенно не обладали способностями к этому делу. И для молодых людей слушать эту «ужасную какофонию» было большим развлечением, все «помирили со смеху»²⁷. Таким образом, можно сказать, что во многих воспоминаниях посещение обязательных богослужений воспринималось как тяжёлая обязанность. К слову надо заметить, что тактика и приёмы уклонений от богослужений – достаточно распространённый эпизод в воспоминаниях воспитанниц институ-

²⁵ Руткевич П. Семинарские годы. Воспоминания о Киевской духовной семинарии. 1873–1879. С. 10.

Rutkevich P., *Seminarskie gody. Vospominaniya o Kievskoi dukhovnoi seminarii*, 1873–1879, S. 10.

²⁶ Смоленский Н. Указ. соч. С. 60.

Smolenskii N., *Op. cit.*, S. 60.

²⁷ Тени прошлого // Полтавские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1913. № 22. С. 1254.

Teni proshlogo, Poltavskie eparkhial'nye vedomosti, Otd. neofits., 1913, № 22, S. 1254.

тов благородных девиц²⁸. А вот для воспоминаний «епархиалок» этот сюжет не характерен.

Многие авторы, рассуждая о системе воспитания, отмечали, что в духовных семинариях царила система взаимного неуважения, надзор над воспитанниками носил тюремный характер. Очень образно охарактеризовал воспитательную систему Николай Смоленский: «Недоверием насыщена вся семинария. Ученик чувствует себя всегда заподозренным, всюду встречает острый высматривающий глаз неумолимого начальства, преследующего его по пятам. И находясь в положении травленного зверя, семинарист изощряется только в умении уйти от преследования, постоянного и неусыпного. Обе стороны в этом отношении часто поднимались до творчества»²⁹.

Вследствие этого во многих учебных заведениях процветали такие пороки как пьянство, игра в карты. Данная проблема была ещё поднята в «Очерках бursы» Помяловского и стала бессменным сюжетом для многих мемуаров. Авторы, как правило, указывали на степень развитости данных пороков. Николай Смоленский констатировал, что «пила семинария не часто, но помногу. Особенно в отпуски, здесь уж напивались и те, кто в другое время и в рот не брал хмельного»³⁰. Другие воспоминания свидетельствуют, что «зелёный змий» захватил не только студентов, но и преподавателей. Собирая воспоминания о Кишиневской духовной семинарии, Н. Стройков зафиксировал такой эпизод: «С другим преподавателем мы встретились в третьего разряда кабачке, причём он несколько не смутился, а только сказал нам Эни я вас, господа не видел, ни вы меня» и ушёл в другую комнату»³¹.

Насаждение веры, навязывание монастырских порядков и стремление насильственно сделать из студентов семинарии христианских праведников вызывало обратную реакцию. В рядах семинарской молодежи постепенно назревали атеистические взгляды. Проблема духовного состояния воспитанников духовных семинарий нашла очень подробное отражение в сборнике Николая Смирнова «Муки юной души». Сборник содержал подборку выписок авторов из эссе студентов семинарии, написанные в ходе изучения философии. Работы студентов были анонимные и многие в них признавались, что разочаровались в вере: «Давно уже я перестал молиться и хожу в церковь только потому, что это нужно: но всё-таки я верю во что-

²⁸ Водовозова Е. Н. На заре жизни // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахоровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. М., 2003. С. 303.

Vodovozova E. N., *Na zare zhizni*, Institutki: vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits, sost., podg. teksta i komment. V.M. Bokovoi i L.G. Sakhorovoi, vstup. stat'ya A.F. Belousova, M., 2003, S. 303.

²⁹ Смоленский Н. Указ. соч. С. 24.

Smolenskii N., *Op. cit.*, S. 24.

³⁰ Там же. С. 55.

Ibid, S. 55.

³¹ Стройков Н., *свящ.* Указ. соч. С. 863.

Stroikov N., *svyash.*, *Op. cit.*, S. 863.

то. Во что верю, я не могу сказать. Я не отрицаю Бога, но какого, не могу сказать»³². Одновременно некоторые из них отмечали, что причиной отрицания веры стало именно насильственное навязывание христианских обязанностей, жесткий надзор за их соблюдением, а также наблюдаемый ими формализм богослужения: «В субботу вечером я стоял в церкви и имел случай углубиться в себя. Первое чувство, которое я испытал, была какая-то ненависть к начальству за то, что оно против воли заставило стоять в церкви. Это нехорошее чувство явилось во мне, вероятно, оттого, что начальство было самой близкой преградой для свободы воли и совести... С чувством презрения я смотрел на священника (не на личность, а на его расположение душевное), так как знал, что он служит не потому, что искренне верует, а потому что ему дают жалованье»³³.

Константин Храневич на основе своего опыта учебы в Волынской духовной семинарии так сформулировал итог формирования личности молодого человека к концу учебы: «И вот, под неотразимым влиянием этой долгой системы создался так знакомый тип бурсака, который глядит на своего начальника исподлобья, держит пред его лицом все свои душевные порывы под крепким замком недоверия и молчания, считает высшим наслаждением устроить ему какую ни есть пакость, и чем оскорбительнее она, чем больше задевает самолюбие начальства, тем довольный ученик, тем более сердечное удовольствие испытает он»³⁴.

В то же время анализ воспоминаний позволяет прийти к выводу, что пьянство и разгульное поведение семинаристов хоть и было очень распространено, но не составляло подавляющей картины. Ю. А. Галабутский, описывая свою учёбу в Одесской семинарии, отмечал: «При всей нашей свободе в семинарии не было ни пьянства, ни других тайных пороков, обычных в закрытых учебных заведениях»³⁵. Под «свободой» автор имеет в виду возможность семинаристов свободно покидать стены семинарии и свободно выходить в город в будние и праздничные дни. Куда же ходили одесские семинаристы в 70-е гг. XIX в.? В публичную библиотеку. В семинарии установилась особая творческая атмосфера, которая поощряла стремление к чтению и саморазвитию. Студенты читали Бокля, Спенсера, Дарвина, из журналов читали «Отечественные записки», в которых особенно живой интерес возбуждали статьи Михайловского и сатиры Щедрина. Из поэтов читался, перечитывался и заучивался наизусть Некрасов. Такая атмосфера создавала условия для морального становления, развития позитивных духовных качеств и поэтому известные пороки среди семинаристов одесской семинарии были не распространены: «Воспитательное

³² Смирнов Н. Муки юной души. М., 1910. С. 15.

Smirnov N., *Muki yunoi dushi*, M., 1910, S. 15.

³³ Смирнов Н. Указ. соч. С. 35.

Smirnov N., *Op. cit.*, S. 35.

³⁴ Храневич Константин Указ. соч. С. 13.

Khranevich Konstantin, *Op. cit.*, S. 13.

³⁵ Галабутский Ю. А. Указ. соч. С. 33.

Galabutskii Yu. A., *Op. cit.*, S. 33.

влияние имело не начальство, а круг товарищей, общее же направление товарищества было доброе, гуманное»³⁶.

Таким образом, воспоминания Ю. А. Галабутского очень ярко свидетельствуют, насколько важна духовная атмосфера. Ведь этот же автор писал о довольно плохом материальном содержании семинаристов, совершенно голодном существовании в духовном училище, скептически высказывался о христианском воспитании и в то же время, не смотря на все недостатки, именно возможность творческой самореализации создавала препятствия для проявления худших черт, которыми стала знаменита духовная школа. Эту же мысль подтверждает и другой автор – М. Гурьев. Он не указывает места своей учебы, из текста ясно только одно, что семинария относилась к Санкт-Петербургскому округу. Вот он указывает, что в семинарии была хорошая библиотека, учителя приучали воспитанников думать и рассуждать: «Профессор словесности приучил нас к чтению хороших книг, часто сам читал в классе мастерски, особенно произведения Гоголя и митрополита Филарета»³⁷. Сам М. Гурьев впоследствии учился в духовной академии и 20 лет посвятил себя духовному служению.

Общий анализ воспоминаний позволяет сделать выводы, что семинаристы в период оживления общественной жизни, особенно во второй половине XIX в., также нуждались в определенном интеллектуальном самовыражении. Эти интеллектуальные поиски находили разное выражение. Как отмечает Т. Г. Леонтьева, семинаристы быстро откликались на протестные движения, которые проявлялись в чтении нелегальной литературы, знакомстве с политическими ссыльными, издании самописных журналов³⁸. Эти эпизоды довольно часто стали находить отражение и в мемуарах семинаристов, причём мемуары интересны тем, что демонстрируют разное отношение авторов к этим фактам, а также стремятся показать причину данного явления.

В частности, анонимный автор, описывая жизнь Костромской семинарии, пишет о том, что воспитанники испытывали необходимость в живом общении между учениками и учащими, а не получив этого искали на стороне в среде ссыльных, которых в Костроме было не мало. При этом автор очень позитивно отзывался об этих знакомствах³⁹. П. В. Цезаревский

³⁶ Там же. С. 33.

Ibid, S. 33.

³⁷ Гурьев М. Воспоминания о моем учении // Русская старина. 1909. Т. 139. № 8. С. 366.

Gur'ev M., *Vospominaniya o moem uchenii*, Russkaya starina, 1909, T. 139, № 8, S. 366.

³⁸ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – XX вв. М., 2002. С. 79.

Leont'eva T. G., *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – XX vv.*, M., 2002, S. 79.

³⁹ Из воспоминаний о семинарии // Костромские епархиальные ведомости. 1906. № 21. Часть неофициальная. С. 839.

Iz vospominanii o seminarii, Kostromskie eparkhial'nye vedomosti, 1906, № 21, Chast' neofitsial'naya, S. 839.

также отмечает, что в Воронежской духовной семинарии воспитанники завели свой рукописный журнал «Семинарский досуг», который вращался среди семинаристов старших классов⁴⁰. Юноши писали и статьи в местные газеты, включая статьи обличительного характера, не только касательно семинарии, но и всего духовенства. Оба автора ничего предосудительного в этом не видели. Костромской автор при этом довольно подробно остановился на причинах увлечения семинаристов подпольной литературой, их тягой к политическим ссыльным. К этим причинам он относит не стремление молодежи к каким-то протестным движениям, а к недостатку общения и возможности молодых людей высказаться, обсудить важные жизненные проблемы. Как он пишет: «Дети очень рано обнаруживают стремление самостоятельно мыслить»⁴¹. А общаться с педагогами, читать книги в семинарской библиотеке у воспитанников Костромской духовной семинарии не получалось. Преподаватели уклонялись от общения, поскольку были постоянно заняты, а семинарская библиотека была скудна. Поэтому, по мнению автора, «семинаристам приходилось волей-неволей обращаться за удовлетворением любознательности к другим людям и к существующим тогда светским библиотекам»⁴². И как раз такими «другими людьми» были ссыльные, которые проживали в Костроме. Автор мемуаров не рассматривает их политическую деятельность, а отмечает, что общение с ними было интересно и позволяло забывать однообразную семинарскую действительность.

Негативная оценка авторов подобных юношеских увлечений появлялась тогда, когда они сталкивались с печальным итогом таких историй. Т. Г. Леонтьева ссылается на воспоминания митрополита Вениамина, который входил в революционную организацию Тамбовской семинарии. Его мемуары свидетельствуют, что один из семинаристов застрелился, оказавшись в поле зрения полиции⁴³. Также весьма печально повествует о судьбе своих товарищей, попавших «в клиенты к синим мундирам» А. Тацитов, который учился в Выборгской семинарии⁴⁴. Он же пытается найти ответ на вопрос: кто виноват? Ответственность он возлагает ни на самих молодых людей, ни на начальство, а на общество в целом.

Таким образом, мемуары семинаристов представляют довольно мозаичную картину и по месту публикации, и по авторству, и по отношению к своему образованию. Представляется, что процесс осмысления судьбы духовной школы и обусловил эту мозаичность. Тема реформы Русской православной церкви на рубеже веков была ключевой среди духовенства, и

⁴⁰ Цезаревский П. В. Указ. соч. С. 49.

Tsezarevskii P. V., *Op. cit.*, S. 49

⁴¹ Из воспоминаний о семинарии. С. 839.

Iz vospominanii o seminarii, S. 837.

⁴² Там же.

Ibidem.

⁴³ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс... С. 79.

Leont'eva T. G., *Vera i progress...*, S. 79.

⁴⁴ Тацитов А. Указ. соч. С. 159.

Tatsitov A., *Op. cit.*, S. 159.

питомцы духовной школы переживали эту проблему через призму своей собственной судьбы.

Поэтому в мужских воспоминаниях яркое отражение получили подробности повседневной жизни и учебного процесса, а также отношение духовенства к проблеме духовной школы. Вот в чём были единодушны авторы всех мемуаров, так это в осуждении ужасных условий жизни в семинарской бурсе. Безусловно, это связано с тем, что к концу века представления об уровне жизни изменились повсеместно, а вот стереотипы о сословном предназначении менялись более медленно.

Можно предположить, что положительный образ детства сформировался под влиянием двух факторов: реализации себя в богослужебной практике и наличии более или менее творческой атмосферы в духовной семинарии или хотя бы на уроках отдельных педагогов. Те же авторы, которые прошли путь определённых жизненных исканий, даже преуспев в светской жизни, выработали более критический взгляд на своё образование.

Такое критическое отношение не характерно для мемуаров воспитанниц епархиальных училищ. Они с большей яркостью передают эмоциональные переживания воспитанниц. Однако нельзя сказать, что процесс поиска судьбы епархиальных училищ минул авторов воспоминаний. Только способы выражения своих проблем у девушек были несколько иные, более сдержанные. В силу более замкнутой жизни епархиалок и более жёстких представлений общества о нормах поведения в обществе, девушки проблемы жизни епархиальных училищ осмысливали через своё отношение к внутренним порядкам.

Список литературы:

1. Бычков С.П. Образы науки в бурсацких воспоминаниях и повестях второй половины XIX века // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74).
2. Корнилова И. В. Воспоминания учащихся духовных учебных заведений как исторический источник // Успехи современного естествознания. 2012. № 11.
3. Леонтьева Т. Г. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX в. // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль / отв. ред. П.В. Волобуев. М., Изд-во ИРИ РАН. 1997. С. 20-38.
4. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – XX вв. М.: Новый хронограф, 2002.
5. Федоров В. А. Духовная православная школа // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3.
6. *Manchester Laurie* Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Northern Illinois University Press. 2008.

MEMOIRS OF SEMINARIANS AS A REFLECTION OF OF THE DISCUSSIONS ON THE PROBLEMS OF SPIRITUAL SCHOOLS SECOND HALF XIX - EARLY XX CENTURIES

O. D. Popova

The Ryazan State University named after S. A. Esenin, The Department
of Sociology, *Rjazan', Russia*

Analyzed memoir of spiritual school pupils as a historical source. It is shown that the memoirs of the seminarians are diverse in structure, place of publication, they reflect the peculiarities of everyday life, the educational process. It substantiates the idea that memories were written under the influence of the development of religious education debate. Demonstrates how to link social movements of the early XIX century and discussion of the problems of theological seminaries. Memoirs reveal the attitude of society to the spiritual school and the reform of the Russian Orthodox Church. The analysis showed that many of the authors of memoirs criticized the existing order in the seminaries. Discontent with his life led to a negative attitude to the authors of a seminary education. In his memoirs, discussed the problem of special education for the children of the clergy and the possibility of secular education.

Keywords: *seminaries, memoirs, estate, everyday life, discussions about the development of religious education, education reform.*

Об авторе:

ПОПОВА Ольга Дмитриевна – доктор исторических наук, кафедра социологии, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, (390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46), e-mail: od-popova@mail.ru

About the author:

POPOVA Olga D. – Doctor of History, The Department of Sociology, The Ryazan State University named after S. A. Esenin, (390000, Russia, Rjazan', ul. Svobody, d. 46), e-mail: od-popova@mail.ru

References

- Bychkov S. P., *Obrazy nauki v bursatskikh vospominaniyakh i povestiyakh vtoroi poloviny XIX veka*, Vestnik Omskogo universiteta, 2014, № 4 (74).
Kornilova I. V., *Vospominaniya uchashchikhsya dukhovnykh uchebnykh zavedenii kak istoricheskii istochnik*, Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya, 2012, № 11.
Leontyeva T. G., *Byt, nruvy i povedenie seminaristov v nacale XX v.*, Revoljucija i chelovek. Byt, nruvy, povedenie, moral, otv. red. P. V. Volobuev. M., izd-vo IRI PAN, 1997.

Leontyeva T. G., *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – XX vv.* М., Novyi chronograph. 2002.

Fedorov V. A., *Dukhovnaya pravoslavnaya shkola*, Ocherki russkoi kul'tury XIX veka, М., 2001, Т. 3, S. 365–386.

Статья поступила в редакцию 20.03.2016 г.